

СЛАВА СЭ
ПОЛНЫЙ САНТЕХНИК

Красивые женщины по мне как-то не сохнут. Умным мешает острое ожидание морщин, зависть дурнушек и особенно немытая посуда. Угнетенный дух не дает им разглядеть, насколько интересны бывают полнеющие литераторы глубоко внутри себя.

С глупыми еще хуже. Упоительная красота, свойственная абсолютно безмозглым существам, требует себе в пару красоту записных мерзавцев, с их лаконичными кудрями и длинными пальцами. Мир, сшитый из плешивых котов, вредных детей и дурных старух им не интересен.

Мне благоволят лишь сутулые специалистки по Ницше.
И то под настроение.

СЛАВА СЭ

ПОЛНЫЙ САНТЕХНИК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
С97

Компьютерный дизайн обложки *Виктории Лебедевой*

Иллюстрации по тексту художников
Екатерины Елькиной, Виктории Лебедевой и Анастасии Орловой

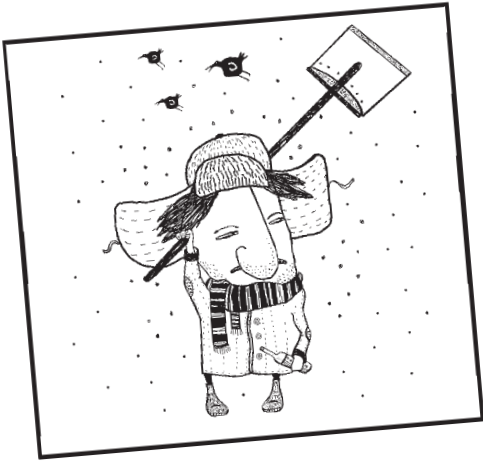
Слава Сэ
С97 Полный Сантехник / Слава Сэ. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
464 с. — (Проект Славы Сэ).
ISBN 978-5-17-108873-6

Впервые все истории о легендарном сантехнике под одной обложкой!
Подарочное издание для фанатов Славы Сэ и тех, кто собирается ими стать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Саттмехтик, езо жетта, кот
и гругие подробности

Дворник Виталик по прозвищу Сиреневый Туман всегда ходит с лопатой. Без лопаты он боится упасть и остаться навек горизонтальным. Трезвым он не работает, потому что есть некая фальшь в трезвых дворниках. Но метёт как Аполлон.

В самые ледяные месяцы, когда в любом сугробе стекленеет отдельный ямщик, Виталиковы дорожки вымыты и высушены специальным перегаром. Случайные снежинки даже не пытаются ему мусорить и сразу сворачивают к чужим сугробам. Которые не сворачивают, тех Виталик догоняет и убивает железной лопатой. Из-за такого тяжёлого его психического заболевания у нас с Лялей протёрлись санки.

Народный китайский завод синих тазиков делает эти санки методом привязывания к тазикам верёвки. Выходит очень удобное изделие. В нём можно парить ноги, хранить помидоры и волочить детей в сад, если выпал снег или неглубокие лужи.

Я потратил на санки два евро и до сих пор не жалею. Я испытал их на себе. Развил с моста огромную скорость, хотел взлететь с трамплина, но был спасён одной берёзой. Она чисто по-женски выбежала навстречу мужчине, одиноко летящему по небу в синих санях. Наша связь была мимо-лётной, но яркой.

Мы с Лялей ходим в сад через улицу, мимо кустов и забора. К нам выбегает весёлая собака породы «бешеный урод». Она орёт на меня, будто мы женаты. Я машу ей кулаком, Ляля счастливо с нас хохочет.

После собаки опять кусты, забор, и вот мы въезжаем в вечно летние асфальты дворника Виталика Сиреневый Туман. И скребём о них днищем.

Дальше очень технический текст, следите за пальцем. За зиму в санях протёрлись промоины. Сани загребают снег и складывают пассажиру под попу.

А потом высыпают назад, на асфальт. Таким нехитрым способом контрабандные осадки проникают на территорию дворника-параноика. На чистом тротуаре под давлением Ляли загрёбанное выжимается обратно. За санями на асфальте остаются две полосы. Белые на чёрном, очень марсианские на вид. Будто инопланетянин с нездешним разумом принёс охапку снега и нагадил неземное послание.

Я бы мог купить сто новых санок. Но я видел, с каким лицом Виталик сгребает неземные следы. Он непобедим и прекрасен.

— Все марсиане могут возвращаться назад в свою жопу, — словно говорят нам взмахи его бесстрашной лопаты.

Завтра я нарисую Виталику загадочные снежные круги и признаки посадочной полосы для тарелок. И подброшу записку:

«Виталик, прекрати стирать рулёжные знаки,
наши корабли вязнут в непогоде.

Твои Чужие»

Вчера по пути на фигурное катание Ляля вкусила от древа познания полную сумку французской косметики.

Как всё самое интересное в юности, это произошло на заднем сиденье родительского драндулета. Пока рулевая мать, Люся Незабудкина, рассыпала попутным машинам весёлые приветствия: «Идиота обрубок!», «Выбрось свои права!» и «Куда прёшь, обезьяна вислоухая!» — Ляля изогнулась, подтянула сумочку, вытащила добро, зло и быстренько всё познала.

От раскрывшихся в косметичке перспектив, девочка счастливо и тихо заскулила. В полный голос скулить было глупо, родительница бы услышала и захлопнула перспективы. Как мать и как женщина она человек хороший, только жадный до косметики. Даже непонятно, с чего. Помаду мы уже год как не едим. Иногда только сорвёт башню, нападёт странная необузданность, тогда, конечно, прощай, тубик.

Ляля пренебрегла зеркальцем, работала на ощупь, руководствуясь лишь творческой интуицией и несколько льстивыми представлениями о размерах губ, глаз и щёк.

Для оформления нижней части лица она применила технику широкого мазка. Её живописной манере оказались присущи обобщенный контурный рисунок, условная упрощенность символов и яркая звучность отдельных цветочных пятен.

Светлые и прозрачные пейзажи правой щеки, динамичные бытовые сцены левой как бы воспели чувственную красоту и радость жизни. Композиция дышала поэтикой, игрой линейных ритмов и тонким колоритом цыганской свадьбы. Три широких чёрных полосы через лоб, по числу пойманных Люсей канализационных люков, как бы воспели вечное стремление души ввысь. К свету, святым угодникам Илье и Николаю или кто там у них производит косметические наборы Bourjouis.

Глаза автор оформила с дерзким вызовом, слив в один компот аллюзии раннего Гогена, гротескный кич Лотрека и базовый принцип модернизма — «Много туши не бывает!».

— Какая странная тишина! — вдруг насторожилась Незабудкина. И посмотрела, чтоб убедиться. А на заднем сиденье уже сидело всё, что думает Ляля о французской живописи начала прошлого века.

Поражённая красотой и чувственной мощью мирового импрессионизма, расцветшего там, где у других детей обычно видна голова, Незабудкина исполнила тройной ритбергер. Прямо за рулём. Окружающие водители приветствовали фигуру весёлыми криками: «Идиота обрубок!», «Выбрось свои права!» и «Куда прёшь, обезьяна вислоухая!».

Конечно, Ляле не следовало в таком виде показываться матери. Это была девичья беспечность. Мать тоже женщина, ей завидно. Надо было выскакать из машины и бежать к людям, навстречу восторгам прогрессивных людей, понимающих высокий мейк-ап.

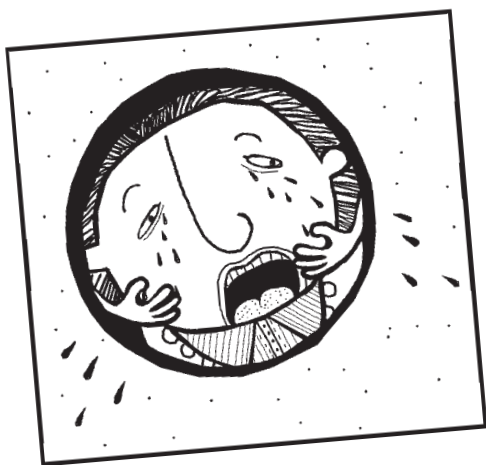
Незабудкина решила, что выпускать на лёд такое Боттичелли нельзя. Все ведь убегут и будет скучно. Внутренний Люсин Мойдодыр поклялся поймать искусство, подтащить к воде и превратить обратно в ребёнка. А горячую воду на каток не завезли. И водостойкая тушь дерзко рассмеялась в лицо внутреннему Люсиному Мойдодыру. Но и тот оказался не промах, и вскоре фигуристка Алика С. выкатилась на лёд с лицом, которое вы не сможете себе представить, если не видели позднего Моне. Ну, эти его пруд, кувшинки, солнечные блики на воде... Собственно блики и составили суть Лялиного образа.

А сегодня Ляля сказала:

— Когда вырасту, стану дядей.

И я её прекрасно понимаю.

У

Ляли в попе дырка. Это ужас. В молодости её не было. Но вчера Ляля выросла и пошла мыть попу сама. И нашла в себе ужасную новость.

И сразу наступило проливное горе. Слезы по сто каратов прожигали ковёр, а на кафеле высыхали солёными розами.

В прежние годы, когда детство было не таким жестоким, а голуби выросли с собаку, попой занимались специальные люди из числа обученной родни. Мыли чисто, но молча. А вчера Ляля проверила, чивой-то там, и мир стал сер.

Раньше-то хорошо жилось с весёлой, а главное, целой попой. Форма, цвет, аромат, звучание — всё было безупречно. Персики считали этот зад лучшим среди себя и старались подражать во всём. И вдруг, в самом центре датского королевства находится дырка, тревожная, как свист в ночи. Сразу сделалось беспокойно, а вдруг кто туда залезет? Или ещё хуже — выползет?

В романах про женщин пишут так: «Вся в слезах, с разметавшимися волосами, она кинулась к отцу». В литературе принято скакать к отцу всякий раз, едва заметив у мужа лишних детей от трёх тайных браков или, опять же, если негодяй-сосед-плантатор ворвался ночью, повалил и таки да, сделал в попе дырку.

Конечно, в романах перегиб. Ляля бежала не вся в слезах, а только по пояс.

Теперь про Лялиного отца. Это немногословный мужчина с романтическим шрамом на мозге. Всем известны его бескорыстная лень и дурная фантазия, превосходящая возможности бога. Например, только он умеет сфотографировать человека так, чтобы вышел чёрный квадрат, знаменитая картина.

А когда готовит свинину с овощами, сам решает, класть туда фасоль или нет. И потом — выбросить всё вместе с кастрюлей или сначала выковырять мясо. Потому что интуиция в нём и сила духа. Именно он заклеил мячик изолентой, разбил им люстру, подмёл и спрятал осколки в диван. Только такой отец сумеет помочь, если попа прохудилась.

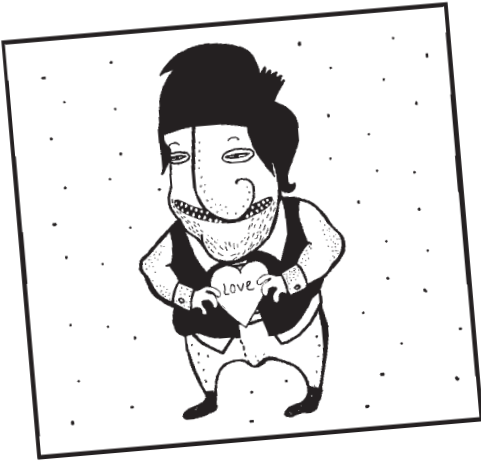
Ляля аккуратно залила родителя по пояс, чтобы потом можно было написать: «Отец и дочь, все в слезах». И потребовала оценить ущерб визуально, повернувшись к миру передом, к отцу задом — посмотри какая там, ужас!

Что дырка маленькая и даже симпатичная, не стало аргументом. Покой и воля не наступили.

Но совершенно внезапно, на 354-й странице, отец признаётся, что дыркозодость — это у них семейное. И он сам, и мать их Люся, и лохматая сестра Машка — все они не герметичны. Более того, пуканье — это не абстрактный голос из дивана.

При всей своей непостижимости, внезапный скетч из жизни ягодиц Лялю позабавил. Когнитивный диссонанс перестал быть таким уж диссонансным. Конечно жаль, что мы оказались не семья принцесс, зато есть тема для беседы со Светкой и Юлькой, подругами по младшей группе детсада. Вот они удивятся.

Ляля встретила на улице друга по имени Иван, он шёл с отцом в неведомую даль.

— Привет, Иван! — крикнула Ляля так, что с дерева упала ворона.

— Привет, Алика! — крикнул Иван в ответ, но как-то дохло.

— Папа, это Алика, которая всё время плюётся и показывает язык, — представил нас Иван.

Отец Ивана косо посмотрел мне в губы, будто ждал от меня неприятностей.

— Ляля, неужели ты плюёшься и показываешь язык? — спросил я громко и фальшиво.

Мне нравится иногда, на людях, притворяться приличным человеком. Ляля показала мне взглядом, что я трус. Настоящий друг на моём месте сам показал бы врагу язык и метко бы доплюнул. Так я узнал, что моя дочь выросла и в ней полно девичьей гордости, надёжно защищённой слюнями.

Наблюдая, как кот чешет ногой подмышку, вспоминал других женщин нашего рода. Они все ужасно гордые и вооружены слюнями и разным домашним скарбом по утюг включительно. И скорее почешут ногой подмышку, чем позволят мужчине решить важное: куда передвинуть шкаф, по какой дороге ехать к маме, не скисла ли сметана, и что нет, разводиться нам ещё не пора. Мужьям нашего рода оставлены мелочи — борьба с кризисом и выборы президента.

Моя кузина Ира работала на Кипре официанткой. Вернулась, поскольку в неё влюбился хозяин ресторана, утончённый богач Антонио, а это (читайте внимательно!) не входило в её планы. То есть, он моложе её, холост с самого рождения и образован. С точки зрения женской гордости выйти за такое невозможно, ведь что подумают люди. Хотя я знаю тут пару мужчин, они бы такой шанс не упустили.

* * *

Ирина бросает Кипр. Возвращается домой. Дома на второе сосиски, купаться в море мешают льдины, а трамвайных контролёров боятся даже вурдалаки и бегемоты. Такое женское решение называется в народе «хозяйка своей судьбы».

Антонио прислал письмо с предложением всего, что смог наскрести, — рука, сердце, ресторан. И по мелочи: тёплое море, безвизовый въезд на многие курорты.

— Ни за что не соглашусь, ведь я же не дура! — подумала про себя Ирина, чем навсегда убила любые наши допущения о женской логике.

Антонио прислал ещё письмо, там было больше страниц и в трёх местах чернели дырки от слёз, обугленные по краям. Она опять не ответила, потому что ходить замуж без любви ей не велела великая русская литература. Только за это, я считаю, Тургенева стоило бы защекотать до творческого паралича.

Тогда Антонио сам приехал. Загорелый, синеглазый, с волосатыми ногами. Подарил теще цветы, назвал мамой. Хитрый чёрт, я считаю.

Ира сказала:

— Послушай, Антонио, ты милый, но выйти за тебя я никак не могу. На вот тебе борща. Поешь и езжай назад.

И дала ему ложку.

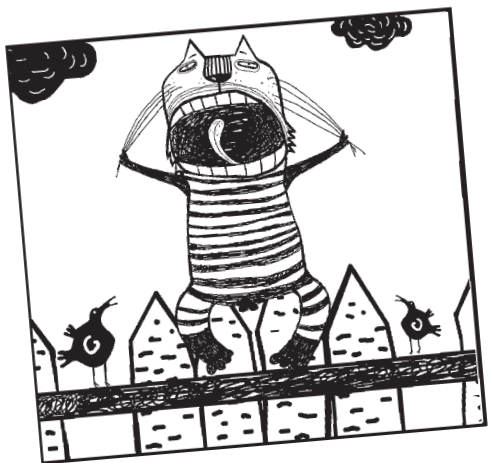
Послушайте, девочки, я много повидал. Если богатый киприот просит у вас жениться, не пытайтесь его отвлечь борщом. Это раздражает.

Антонио встал из-за стола и сделал такое, за что можно навек простить мужчинам их патологически волосатые ноги. Он швырнул ложку в окно (попал!) и заплакал. И сказал, что не ест приехал, а за невестой. И медленно так, рыдая, пошёл к выходу. А у гордых женщин нашего рода совершенно нет иммунитета против рыдающих богачей. Их глупое женское сердце, вопреки себе, всё режущее жалеет.

— Да пошло оно всё в жопу, выйду замуж по расчёту, — решила про себя Ирина. И я опять не понимаю, как относиться к женской логике.

Дальше в сюжете идут сопли с сахаром, я их терпеть не могу.

Это был единственный случай, когда абстрактный мужчина переубедил женщину нашего рода. И, наверное, последний. У меня теперь есть родня на Кипре. Моя тётка ездила, говорит Ирка сама руководит рестораном, учится бросать в окно ложки, но ещё ни разу не попала. В народе это состояние называется «счастливая дура».

У

нас было принято драться заборными досками. По субботам. Доски были частью нашей танцевальной традиции. После танцев полагалось оружие вернуть, откуда взял. Можно было не прибивать, хотя бы побросать под вишни. Селяне сами

всё приколачивали на место таким гуманным способом, чтоб боевая доска легко отдиралась и гвоздей из нее не торчало. У нас очень культурная была станица.

Летом 1985-го чемпионом по фехтованию на досках стал Паша Пятаков. Его все боялись. Его сила была в несчастной любви. Понимаете, есть такие мужчины, они любят насмерть. Если их не допускать к родным коленям, они могут взорвать сельсовет, отлупить дискотеку и совершить ещё много разных красивых глупостей.

Паша любил Лену. А она его игнорировала. Женщины вообще боятся мужчин с фантазией. Стоит раз поцеловать ручку её двери, заглянуть ночью в окно или украсть туфлю, чтоб было с чем спать в обнимку, — сразу убегают. Женщины трусят настоящих чувств, вот что я вам скажу.

Сначала Паша боролся с чувствами православным способом. Он много и убедительно орал на икону Николая Чудотворца, просил прекратить половецкие чувства. После молитвы выходил с красной рожей и вспотевший, очень старался. Портрет оказался неисправен. Еленины колени стали грезиться Паше днём при открытых глазах.

И тогда он вскрыл вены. В тазу, как настоящий эстет. Не за тем даже, чтоб она шла за гробом с распухшим от слёз носом. Паше просто было невыносимо. Очнулся он в палате среди каких-то алкоголиков, под глазом синяк, в душе всё те же колени.